XX 63/11

1
Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА
СССР
имени
В. И. ЛЕНИНА

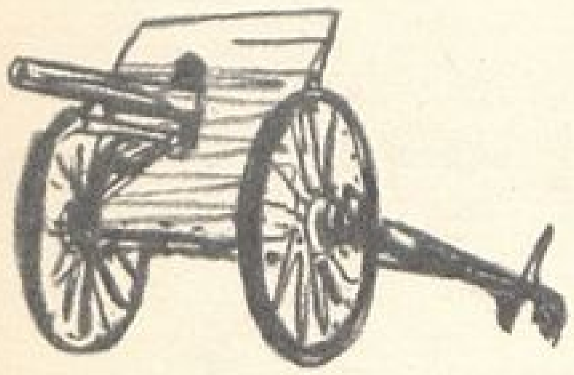
МУРЗИЛКА

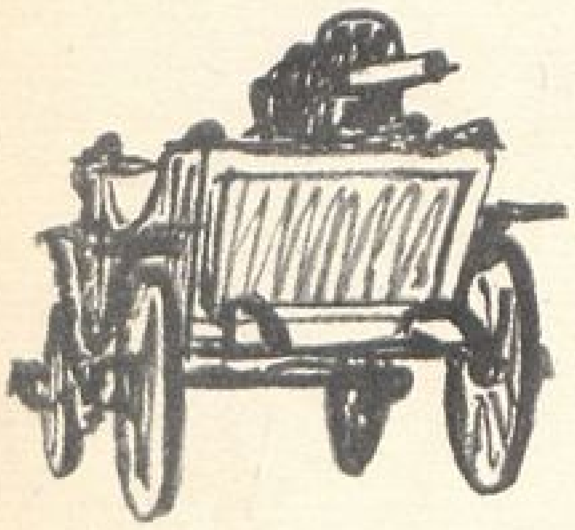
№ 2
Февраль
1958

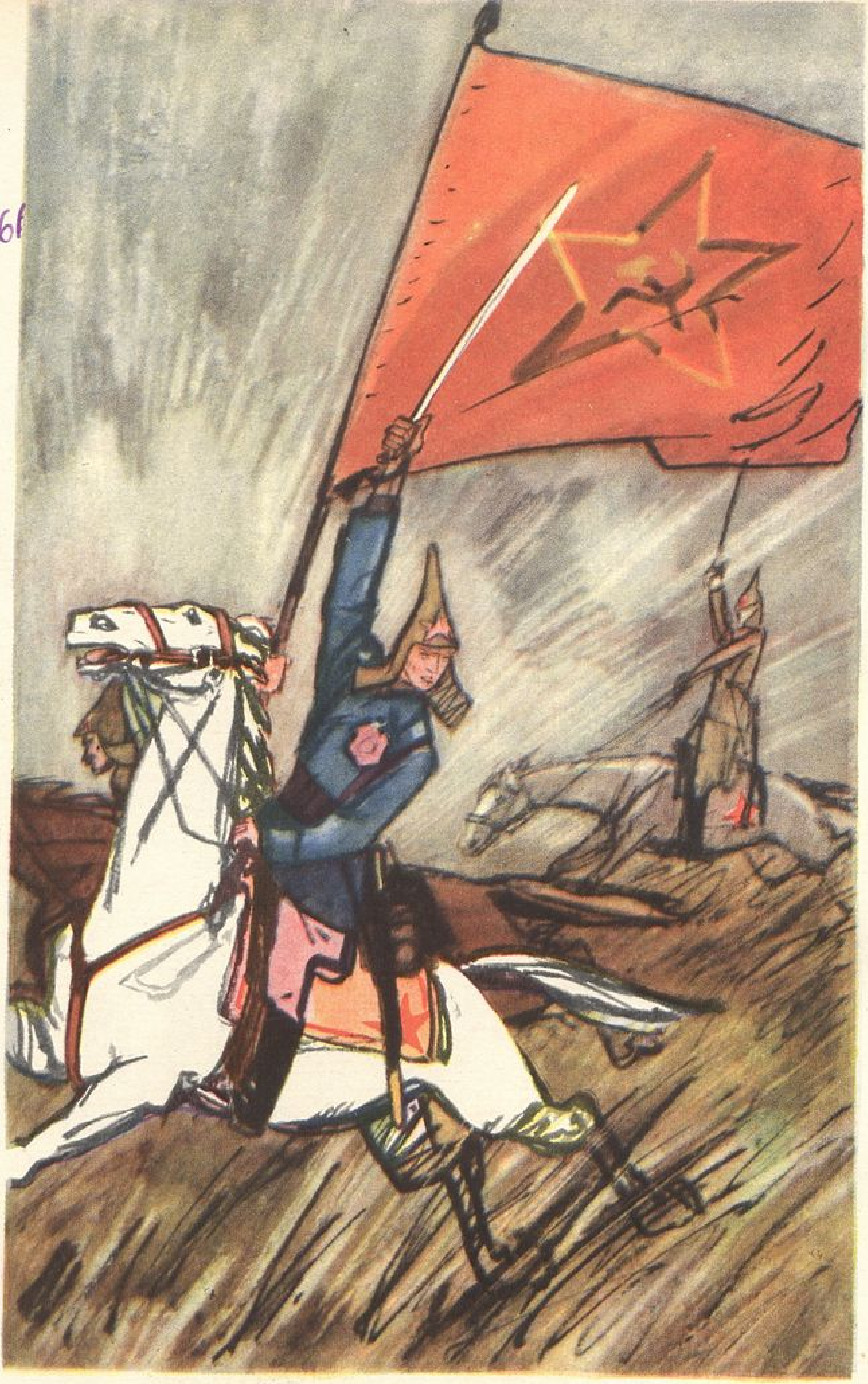
Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

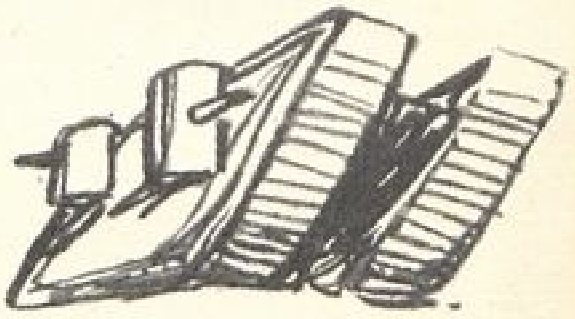
Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

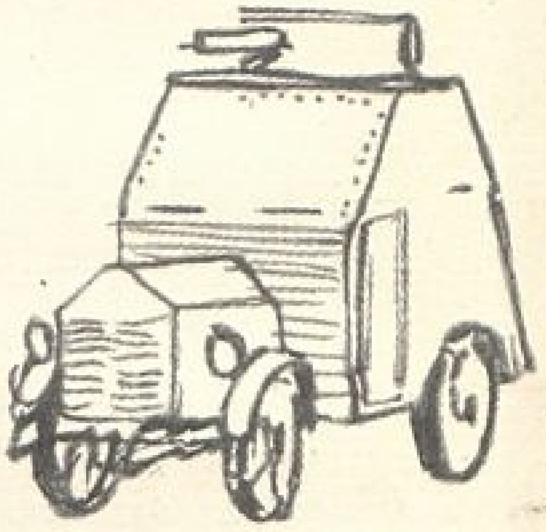
Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В.И. Ленина
П-59-3766

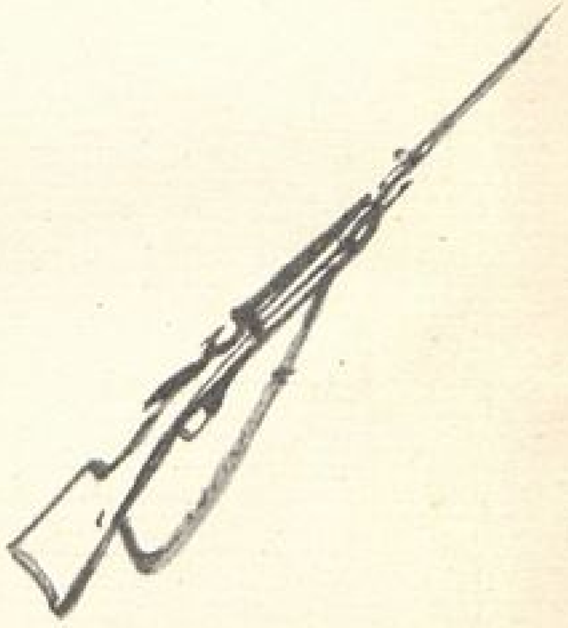












НАШЕЙ СЛАВНОЙ

Сорок лет назад, как только утвердилась советская власть в нашей стране, первым делом Ленин объявил всему миру, что наш народ ни с кем воевать не хочет.

А немецкий царь — кайзер Вильгельм — и его генералы решили так: не хотят советские люди воевать — вот и хорошо! А мы пойдём в наступление и захватим всю Россию.

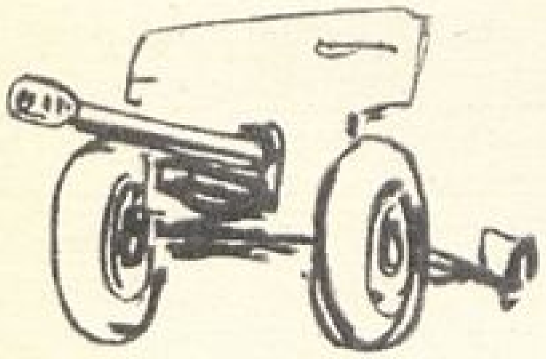
Тогда Ленин обратился к народу с призывом отразить натиск врага. Рабочие и крестьяне взялись за оружие и в первых же боях одержали большую победу над немцами. В память этой победы день 23 февраля 1918 года считается днём рождения нашей Армии.

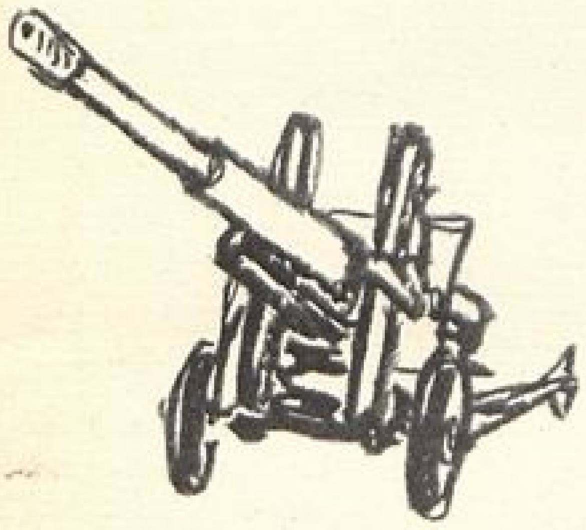
Не успела Красная Армия окрепнуть, со всех сторон напали на нашу страну враги.

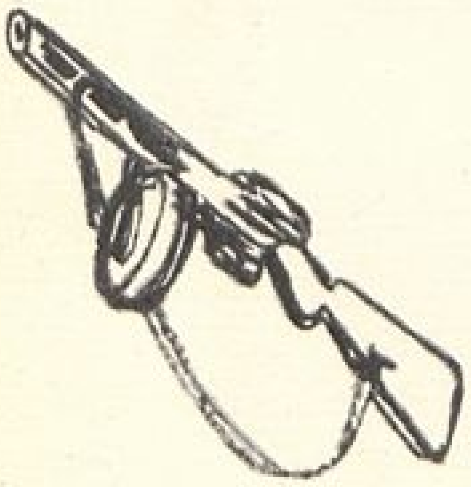
У них и пушки были, и танки, и самолёты, и корабли, а у нас с оружием было плохо, но зато каждый красный воин верил в победу, знал, за что он сражается.

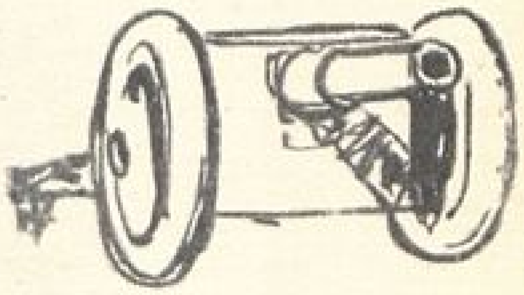
В боях добывала Красная Армия своё оружие. Лихая советская конница как ветер но-

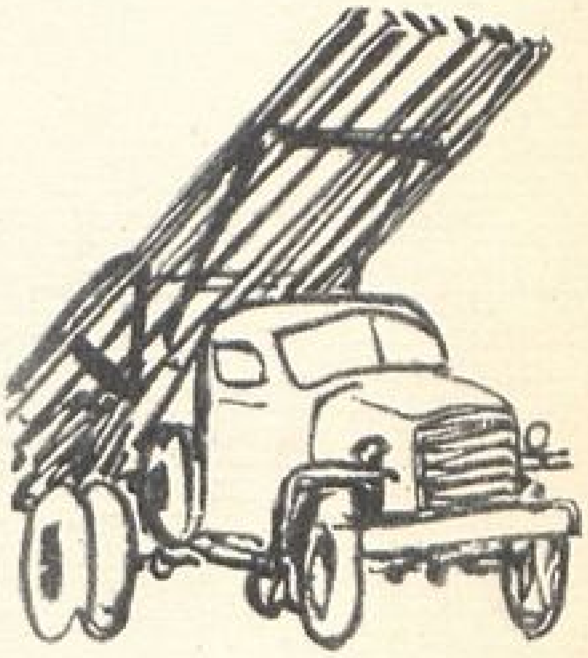
Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

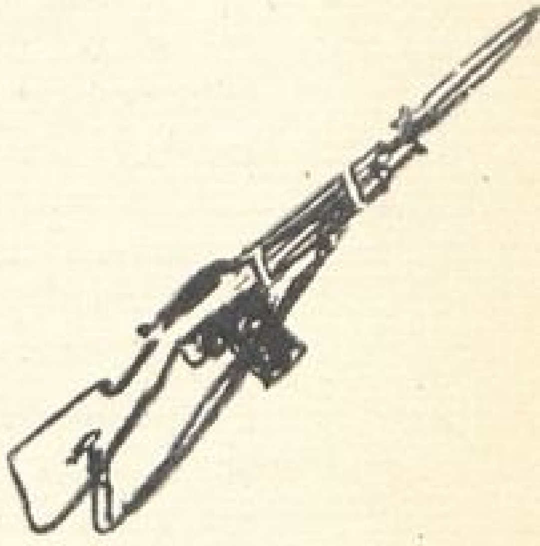












АРМИИ — СОРОК ЛЕТ

силась по полям, отнимала у противника пушки, броневики и танки и, повернув их против неприятеля, гнала врагов с советской земли.

Прогнали мы врагов и стали жить мирно. Строили заводы и города, дороги и корабли, школы и больницы, растили хлеб, сажали сады... А враги всё мечтали нас одолеть. Не однажды они нападали на нас, но Красная Армия каждый раз прогоняла незваных гостей.

В 1941 году фашистские полчища двинулись на советскую землю. В то время Гитлер всю Европу завоевал, хвастал, что и нас победит. Да не вышло! Гитлер был силён, а мы — не слабее.

У нас и танки, и пушки были, и автоматы, и самолёты, и «катюши», а главное — знали советские воины, что в бой идут за правое дело, за свою Советскую Родину.

Тяжёлые потери понесла Советская страна в битвах с фашистами. Но Советская Армия устояла и победила. В боях она стала ещё крепче и по-прежнему зорко сторожит нашу родную страну, бережно хранит мир во всём мире.

Г. НОВОГРУДСКИЙ

Рис. В. КОНОВАЛОВА

Сорок лет назад, когда враги наступали со всех сторон на молодую Советскую страну, советским людям помогали рабочие и крестьяне разных стран. В Красной Армии бок о бок с русскими сражались венгры, чехи, поляки, румыны, болгары, немцы, французы и много китайцев.

Бедняки-китайцы тысячами ехали в Россию, потому что нуждались в работе. Когда началась революция, китайские товарищи не остались в стороне. Взяв винтовки в руки, они пошли воевать за советскую власть.

Вот что рассказывают о том времени два старых китайских бойца.

1. ХОРОШЕЕ СЛОВО „ТОВАРИЩ“

(РАССКАЗЫВАЕТ ВАН ФУНЬ-ШАНЬ)

Я попал в Россию с партией китайских рабочих. Привезли нас на Украину.

Скоро началась революция, потом на Украину гайдамаки пришли, немцы...

Нам, китайцам, плохо знавшим русский язык, трудно было понять, кто за что воюет. Но мне помог русский товарищ. Звали его Михаил. Он был машинистом на паровозе, а я при нём кочегаром. Михаил рассказал про большевиков, про Ленина. Очень всё понятно стало: я — рабочий, большевики за рабочих, они хотят, чтобы рабочим было хорошо; а гайдамаки и петлюровцы — белые, они хотят, чтобы всё было по-старому, чтобы бедные оставались бедными, а богатые — богатыми.

Я много думал об этом, а потом, когда всё решил, сказал своему машинисту:

— До свидания, Михаил, пойду к большевикам.

Две ночи я шёл лесами, пока не подошёл к реке. На этом берегу были белые, на том — большевики. Я — через реку. Подплываю к другому берегу, слышу:

— Кто?

— Своя! — кричу и встал на ноги.

— Кто такой — «своя»? Руки вверх!

Я вышел из воды, поднял руки вверх. Солдаты увидели меня:

— А, китаец... Иди, товарищ, не бойся.

Они поняли, кто я: тогда много китайцев в Красную Армию приходило. Да и я понял: к своим попал, всё равно как к землякам. Слово «товарищ» — очень хорошее слово! Оно чужих людей делает братьями.

Меня записали в Интернациональный батальон. Командиром у нас был венгр Яков, помощниками — китаец Там Фушунь и серб Никола. В первый раз в бой попал я под Киевом. Дрались с петлюровцами и здорово побили их. Потом мы по-

шли на Кременчуг, Полтаву, Харьков. Винтовке много работать пришлось. И мне это было по душе. Я знал, за что воюю.

2. О ЛОШАДИ ЛЁШЕ, О ВОЙНЕ И О БУРЖУЯХ

(РАССКАЗЫВАЕТ ЧИ ЯН-ЧИ)

В 1918 году я вступил в красную кавалерию, взял винтовку в руки, чтобы воевать за советскую власть. У меня был хороший конь. Я его Лёшей звал. Он мне под Новороссийском достался. Деникинцы отступали. Мы на них пошли в атаку. Я с одним офицером схватился. Толстый был офицер: богатый, видно. А под ним большой серый конь. Вот он мне и достался. Офицер в поле остался лежать, а я на его лошади дальше поехал.

Лучше Лёши у меня ни одной лошади не было. Любую команду дай — знает. Скажешь ей: «Ложись!» — ложится; скажешь: «За мной!» — идёт; крикнешь: «В атаку!» — она закусит удила и мчится, не удержишь. Очень умный конь был!

Сколько раз сам командир бригады говорил мне: «Уступи мне своего Лёшу».

У него тоже хорошая лошадь была. Но я не хотел. Такого коня, как мой Лёша, разве можно менять? Его больше жизни беречь надо. Но Лёша пропал. Ему пуля в живот попала.

Это на Западном фронте было, когда мы с белыми поляками воевали.

Польские буржуи такие же злые, как русские, как китайские. В каждом бою и мы и они насмерть дрались. Но мы брали верх, потому что из одних буржуев армия не может состоять. Их всё-таки меньше. И в польской армии, кроме буржуев, тоже были рабочие и крестьяне. А им зачем воевать с нами? Они дрались только потому, что к дисциплине привыкли, и ещё потому, что буржуи им голову забили.

Я один раз пленного польского солдата в штаб вёл. По дороге он спросил меня:

— Китаец, тебе какое дело за Россию воевать?

Я ему сказал:

— Моё дело за рабочих воевать. В России рабочие царя долой, буржуев долой, сами хозяева стали. Разве это плохо?

Он подумал и сказал:

— Хорошо.

— А если у вас так сделают, разве тебе плохо будет?

Он опять подумал и сказал:

— Хорошо будет.

— И у нас в Китае без буржуев хорошо будет, — говорю я. — Но я сейчас не в Китае, а в России. Помогаю русским рабочим. А ты с русскими воюешь, сам себе мешаешь... В тебе сознательности нет.

Он долго молчал, потом сказал:

— Молодец, китаец! Правильно говоришь.

Этот польский солдат понял: зачем защищать буржуев? Нужно бороться за власть рабочих и крестьян.

Андрей ШМАНКЕВИЧ

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

КОСТЯ С ШЕСТОЙ БАСТИОННОЙ

Костя с Шестой Бастионной!

Что сталось с тобой? Почему пропало у людей былое уважение к тебе? Разве не тебе, Костя, уступали место рядом с собой большие и маленькие, как только ты появлялся с удочками на камнях у «Трёх святителей», на пристанях Корабельной или Северной стороны? А разве не считали себя отмеченными судьбой те ребята, которых ты брал на свой ялик-плоскодонку?

Куда же всё это девалось? Неужели с приходом фашистов тебя подменили? Или ты продался гитлеровским солдатам за те галеты-сигареты, которые ты выклянчиваешь и выменираешь у них на копчёную рыбу? А как бойко ты научился говорить по-ихнему! В школе ты как будто не любил немецкого, а тут прямо-таки переводчиком стал у немцев. Они только через тебя и разговаривают с рыбаками, когда посылают их в море ловить селёдку, ставриду и скумбрию. Ты и здесь не упускаешь своего интереса — все видят, как ты тащишь домой после возвращения рыбаков с моря тяжёлую корзину с рыбкой. Не своей волей пошли рыбаки в немецкую «бригаду», их вызвали по повесткам. Уж не ты ли те повестки составлял?

И вот ходишь ты теперь, Костя с Шестой Бастионной, по улицам, отворачиваясь от людей. Напрасно стараешься: люди сами от тебя давно отвернулись. Теперь они не вспоминают даже того, как в начале оккупации столкнул тебя с пристани немец и чуть не застрелил в воде за то, что ты не дал ему рыбы...

Только тётка Марфа от тебя не отвернулась. А почему? Да, видать, одного поля вы ягодки. До немцев и она была уважаемой женщиной на Шестой Бастионной.

Жена боцмана с эсминца. Он не то жив, не то нет, не то за землю родную воюет, не то в земле родной лежит, а его жена и днюет и ночует на базаре, жареной-пареной рыбой спекулирует. Коптилку у себя во дворе построила, на груде камней, что остались от прежнего дома после бомбёжки. Костя даже ялика своего не пожалел, пустил на топливо в той коптилке. А кто же не знал, что ялик тот «Аннушкой» назван был им самим в память погибшей матери! До войны ещё было — ялик море выбросило у Херсонесского маяка, а саму Аннушку-рыбачку так люди и не нашли...

Верно, тогда ещё пригрела тётка Марфа сироту, обмывала и обстирывала его, хозяйство вести помогала. Только тогда Костя вроде как тяготился такой опекой. А теперь ни свет ни заря берёт Костя вёдра и коромысло, идёт за пять вёрст по воду к колодцу. Полдня в очереди там простоит, чтобы набрать полусолёной воды. Зачем им столько воды на двоих? Разве что после солёной-копчёной рыбки жажда одолевает и никак солёной водой её не заглушишь?.. Что же делать, хорошей воды в Севастополе в то время не было. Хорошую воду привозили только для немцев.

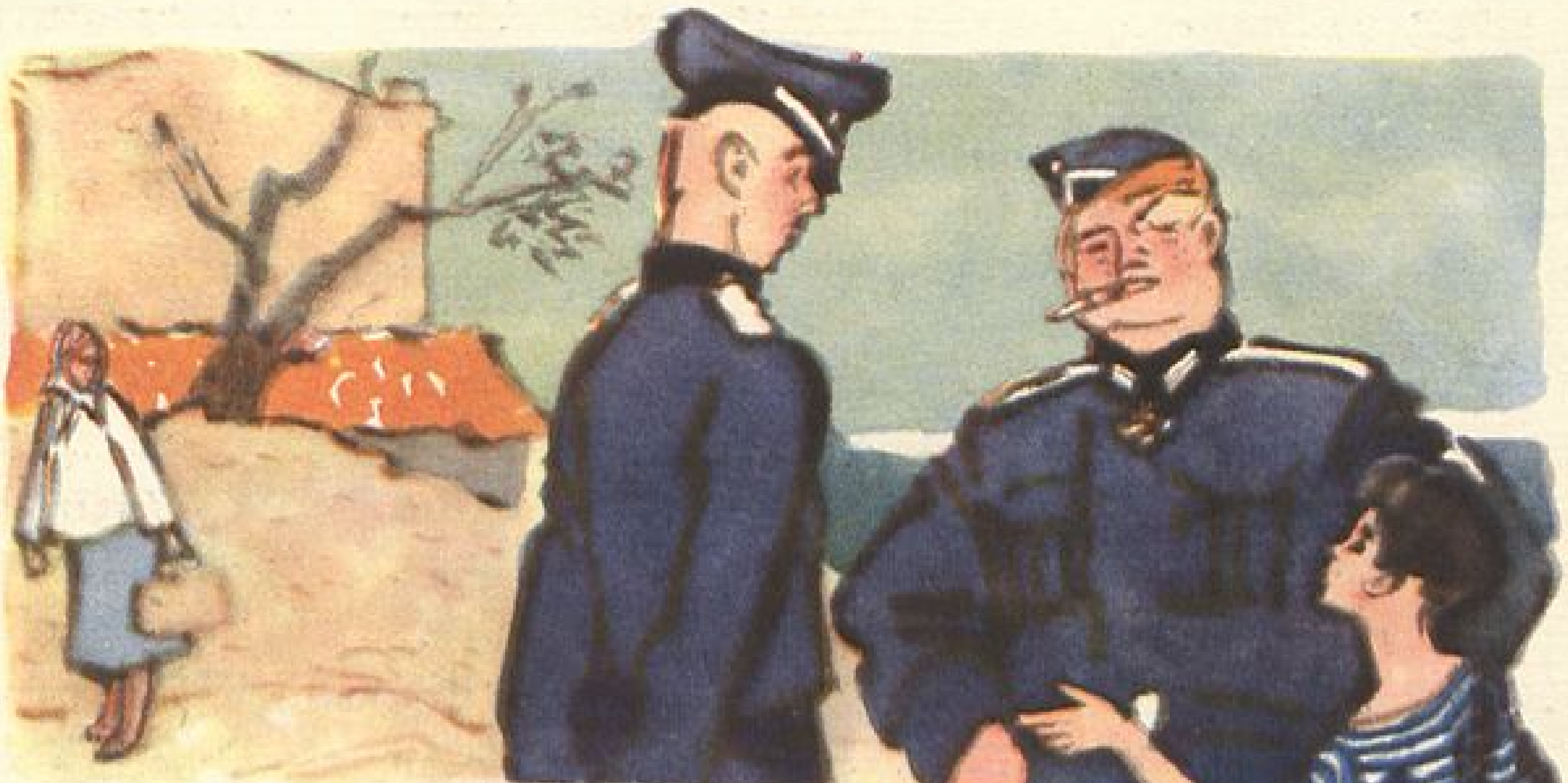
И что особенно удивляло людей — при таких харчах, какие таскала тётка Марфа с базара, выменивая всё, что ни попало, ссылаясь на то, что ей сиротку кормить надо, Костя не только не поправлялся, а с каждым днём становился всё худее, всё чернее. Нос у него заострился, чёрные как угли глаза запали и блестели, как при лихорадке. Может, поэтому Марфа и завела поросёнка, чтобы свежим сальцем поддержать здоровье своего приёмыша. А сам Костя за хорошую корзинку копчёной кефали добился разрешения у коменданта немецкого госпиталя брать из госпитальной кухни по ведру помоев в день. Когда он проносил помои по улице, у всех встречных в животах колики начинались — уж больно пахло от помоев настоящей едой. Видно, Клава, судомойка из немецкого госпиталя, тоже любила копчёную рыбку.

Что, Костя с Шестой Бастионной, тяжело тебе стало жить на белом свете? Правда, ты, Костя, не можешь сдержать улыбки, когда кто-нибудь из старых знакомых пройдёт мимо, как будто не замечая тебя, но за спиной твоей нарочно громко плюнет. Что поделаешь, терпи, если стал на такую тяжёлую дорогу вместе с тёткой Марфой и судомойкой Клавой. Зажми сердце в кулак и терпи.

Знали люди только те твои дела, что делал ты у всех на глазах. Что сказали бы они, если бы проведали о твоих ночных похождениях? Ведь люди думали, что после сытного ужина залезаешь ты на высоченные нары, пристроенные под самым потолком в вашем подвале, и спишь как мёртвый после «трудов праведных», не боясь, что тебя загрызут ночью голодные крысы, — не достать им тебя. Не ты один спасался так от крыс в ту пору.

Но ошибались люди. Часто постель твоя оставалась неразобранной.

Среди ночи вылезал Костя, крадучись, из своей берлоги, залегал в условленном месте среди камней и часами лежал не шевелясь, прислушиваясь к ночным шорохам, лежал, пока рядом не появлялась человеческая тень. Ему она была хорошо знакома. Да если бы кто из жителей-соседей увидел эту тень среди ночи, то без труда признал бы в ней Клаву-судомойку из немецкого госпиталя. Бывало, что приходила она не одна, приводила какого-нибудь гостя. Ночных гостей Костя почему-то вёл под ручку до самых дверей



подвала, передавал тётке Марфе, а сам уходил гулять по ночному городу, хотя отлично знал, что за такие прогулки немцы сажали всех без разбора за колючую проволоку, ежели не приканчивали на месте.

Чаще всего отправлялся Костя на прогулку к берегу у «Трёх святителей», прямо под ноги к немецким часовым — часовые прохаживались по круче, а Костя «гулял» под кручей, у самой воды. Гулял, как ящерицы всю жизнь гуляют, — ползал на брюхе меж камней так же проворно и так же бесшумно. При любой погоде, даже осенью, когда и днём-то никто тебя в воду не загонит, Костя раздевался под скалой, полз на брюхе к воде, вползал в неё и отплывал от берега метров на сто-полтораста так тихо, что дремавшие меж водорослей зеленухи не шарахались от него в стороны.

Даже осенью купался Костя подолгу, иной раз целый час в ледяной воде просидит, а выползет на берег — не одевается сразу, начинает что-то тяжёлое на верёвке со дна морского вытаскивать на берег. Если груз застревал на дне между камнями, Костя снова вползал в воду, освобождал груз и опять тащил его на берег.

Грузом каждый раз оказывался латаный и перелатанный мешок. Костя развязывал его, запускал в средину руку, вытаскивал несколько увесистых камней, осторожно клал их на берег, потом одевался, взваливал мешок на плечи и отправлялся домой. Следом за ним тучей неслись очумелые от голода крысы — они чуяли запах свежей рыбы.

Рыба? Откуда она бралась? Может быть, у Кости стояли в бухте верши? А может быть, это рыбаки по дороге с моря выбрасывали за борт мешок с грузом, а на поверхности оставляли чурку-поплавок? Могли же рыбаки быть с ним в сговоре.

Ещё раз удивил Костя людей, когда среди белого дня остановился на улице, прислушался к далёкой-далёкой канонаде и радостно улыбнулся. Кто видел это, подумал про себя: «Ишь ты, улыбаться вздумал!.. Ведь это наши, наши идут к Севастополю!.. На что же ты-то надеешься?..»

Весь этот день пробыл Костя в приподнятом настроении. Он не опускал больше головы, не отворачивался при встрече со знакомыми, но в полночь он снова перестал улыбаться, а к утру осунулся ещё больше. Почти до рассвета пролежал он среди камней, поджидая Клаву-судомойку, но тень её так и не появилась. А на следующую ночь вырыл Костя среди развалин неглубокую яму, — вырыть глубокую у него не хватило сил. Потом они вынесли с Марфой из своей норы длинный и тяжёлый свёрток, укутанный солдатским одеялом, и зарыли его. Сверху засыпали камнями. Утром на куче тех камней увидали люди маленький крестик из тонких жёрдочек и прочитали на нём: «Здесь погребён отважный моряк-партизан Николай Степанович Скиба, умерший от тяжёлого ранения».

Крестик люди увидали, обнажили головы, вытерли слёзы. Но никто из них не видал больше с того дня ни самого Кости, ни тётки Марфы. Пропали... Сбежали куда-то. Приходили немцы, всё в землянке перевернули и, ругаясь, ушли.

«Что случилось? — подумали одни. — Может, стащили у них что-нибудь?..» А другие подумали иначе: «Нет, тут что-то не так!.. Что-то за этим кроется... Почему появился крест на развалинах? Кто похоронил погибшего матроса-партизана?..»

А гром орудий становился всё слышнее и слышнее. Он мешался с весенним громом. Вот уже грохочет за Мекензиевыми Горами, за Инкерманскими каменоломнями, на Северной стороне. Бегут, мечутся фашисты и все их прихвостни. Да только

бежать им некуда: бьют их на суше советские солдаты и матросы, а в море наши боевые корабли и самолёты топят немецкие транспорты. Мечутся фашисты из конца в конец, как очумелые крысы.

Настал и тот радостный день, когда утихли и пушки и автоматы, но не утихало радостное «ура». Оно перекатывалось в тот майский день, как весенний гром, из одного квартала города в другой, из улицы в улицу, от площади к площади. Вот в этот день и услышали люди, как закричал один богатырь матрос на весь Приморский бульвар, да так, что бронзовый орёл чуть не взмыл с перепугу в небо со своей гранитной колонны:

— Товарищ Костя! Жив? Ура Косте с Шестой Бастионной!..

— Какой он вам товарищ!.. — проворчал старик каменщик Лукьяныч. — Он с немчурой якшался, со спекулянткой Марфой...

На это засмеялся матрос, обнял за плечи Костю и вот что сказал в ответ старику:

— Нет, папаша, ошибаетесь вы... Не только товарищем его величать будем, но и награду ему у начальства выхлопочем. Ему орден или медаль, тётке Марфе и нашей подпольной докторше Клавдии Петровне. Мы им жизнями обязаны. Я обязан, вот он, и он, и он, и ещё многие. Они, жизни своей не жалея, от себя кусок отрывая, кормили нас и укрывали в своём подвале от фашистского глаза, от ран лечили, ставили на ноги и помогали уйти в горы к партизанам. Имеете вы теперь, папаша, представление, какой перед вами человек стоит?

Матрос ещё крепче прижал к себе Костю с Шестой Бастионной, заглянул ему в глаза и спросил:

— А почему ты, Костя, один нас встречаешь? Где тётя Марфа, где Клавдия Петровна?

— Тётя Марфа сидит на развалке своей хаты и ждёт мужа: боится с ним разминуться... А наша Клавдия Петровна...

Больше Костя ничего не смог выговорить, уткнулся лицом в матросский бушлат, и только плечи у него задёргались. И все матросы, не стыдясь заплакали.

— Вот оно, выходит, дело как было... — сказал старый каменщик и тоже стащил с головы кепку. — Прости, внучек. Плохое о тебе люди думали. Слава богу, что ошиблись!..

Подумал немного старик, распрямился и добавил:

— Было, конечно, что в иных людях усомнились мы, но во весь наш народ никогда веры не теряли! Знали, что недолго супостатам по нашей святой земле ходить... А город наш геройский мы заново возродим. Ещё краше он будет. И тебе, Костя, дом поставим на старом месте, на Шестой Бастионной. Я своими руками карниз на нём вырежу из белого инкерманского камня. А погибшим героям мы навечно памятники воздвигнем...

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

М. КОРШУНОВ *Рис. А. БРЕЯ*

ЕДЕТ, СПЕШИТ МАЛЬЧИК

Мальчик Кирилка сломал ногу. Его немедленно надо было доставить в больницу.

У отца Кирилки был «Москвич», маленький проворный автомобиль с длинным флажком на радиаторе.

Автомобиль отец получил на заводе в премию как лучший токарь города Москвы.

Отец уложил Кирилку на заднее сиденье, сам сел за руль.

Выехал на дорогу, а тут тебе и автобусы, и троллейбусы, и грузовики, и красные огни светофоров — никак не разгонишься!..

А Кирилка громко стонет: сильно болит нога.

Отец нервничает, спешит.

На одном из поворотов он превысил дозволенную скорость.

Пронзительно засвистел милиционер-регулировщик.

«Стоп!

Остановитесь!

Вы нарушили правила уличного движения».

Отец остановился, открыл дверцу машины.

Подошёл милицейский старшина, козырнул:

— Товарищ водитель, вы почему превышаете дозволенную скорость?

Отец вздохнул: что правда, то правда — превысил он скорость.

— Виноват я, товарищ старшина, слов нет. Сынишка у меня захворал...

— А что с ним? — спрашивает старшина и смотрит на Кирилку.

— Ногу сломал. Играл во дворе с ребятами и сломал. В больницу его срочно надо.

— В больницу? Срочно?

Милицейский старшина призадумался.

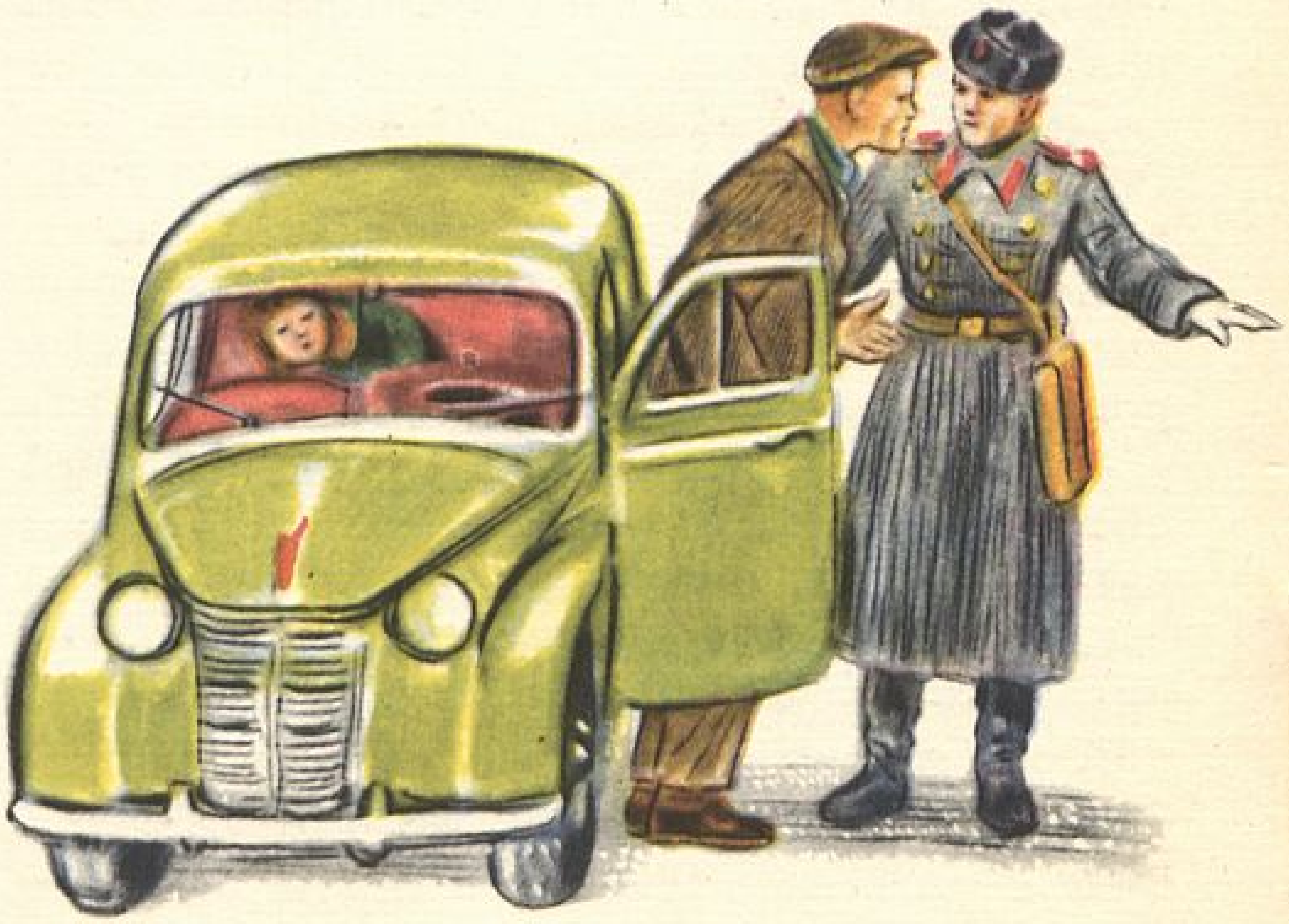
— Выезжайте на середину улицы, — вдруг сказал он и взмахнул своим регулировочным жезлом, задерживая всё остальное движение. — Спешите в больницу!

— Но меня дальше остановят, — возразил отец. — И опять скажут, что нарушаю.

— Не остановят. Я позвоню по телефону на следующий милицейский пост и объясню, в чём дело.

И вот тогда помчался маленький автомобиль по большому городу, помчался по самой середине улицы, где не было ни автобусов, ни троллейбусов, ни грузовиков.

И повсюду на его пути вспыхивал зелёный свет светофоров — путь открыт, потому что милиционеры-регулировщики звонили друг другу по телефону и предупреждали о том, что в больницу едет, спешит больной мальчик.



В. ЧЕЛИНЦОВА

ОКСЯ-ТРУЖЕНИЦА

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ

Вот она, наша новая знакомая Окся. Про неё вам рассказывает художница Челинцова, которая недавно побывала в гостях на родине Окси. Она ездила там на нартах, запряжённых быстроногими оленями, бродила по заснеженной тундре и никак не могла отличить день от ночи, потому что в это время года в тундре целых шесть месяцев стоит день.

Там, в тундре, среди оленеводов встретилась она с маленькой девочкой, одетой в длинную меховую шубу — малицу — и обутой в меховые валенки — унты.

Земля, на которой живёт Окся, называется Коми, и народ — тоже коми. И Окся — маленькая девочка коми. Маленькая, но храбрая. Она не боится ни сильного ветра, ни крепкого мороза, ни северной зимы, которая приходит после шести месяцев света и покрывает землю на шесть месяцев темнотой, — ничего не боится Окся.

Её отец оленевод, и брат тоже, когда вырастет, будет оленеводом.

Беспокойная работа у оленеводов. Корма для оленей мало, и спрятан он глубоко под снегом. Олени копытами разгребают снег, находят лишайник и мох — ягель, съедают его и идут дальше. А оленеводы складывают чумы — и за ними.

Окся вместе с ними путешествует. И всего-то ей пять лет, но она уже самостоятельный человек. Про неё здесь все говорят:

— О, Окся труженица, — и прищёлкивают при этом языком, что означает самую высокую похвалу.

ОДИННАДЦАТЬ ЧАЙНИКОВ

Одиннадцать чайников стоят у печки. Окся проснулась и сразу увидала чайники, увидала и догадалась: раз мама выставила чайники — значит, утро. Окся засмеялась и закричала:

— Хочу горячего чаю!

Она надевает малицу, берёт нож и выходит из чума. Окся вырезает ножом кубики снега, похожие на те, что привёз ей отец из поселкового магазина, только побольше, и несёт в чум. Мама кладёт их в бак, рядом с печкой, и снег быстро тает.

Одиннадцать чайников надо налить, а Окся смеётся и работает.

— Лейся, водичка, лейся! — приговаривает она, — Скоро придёт домой отец — он любит чай! А с ним придут ветеринарный врач Володя, зоотехник Нина, оленеводы Миша и брат Северин — они тоже очень любят чай!

И тогда чайники опустеют, а оленеводы, похваливая Оксю, уйдут к стаду.

БРАТ СЕВЕРИН

Красивый белый олень промчался мимо Окси. Девочка берёт льдинку, размахивает ею над головой и кричит:

— Я белый олень, я белый олень!

А белый олень мчится вперёд до тех пор, пока брат Северин не забрасывает ему на рога лассо. Ох, и ловок Северин! А олень храпит и трясёт мордой. Сейчас Северин поведёт его делать прививку, как всем оленям, от всяких болезней.

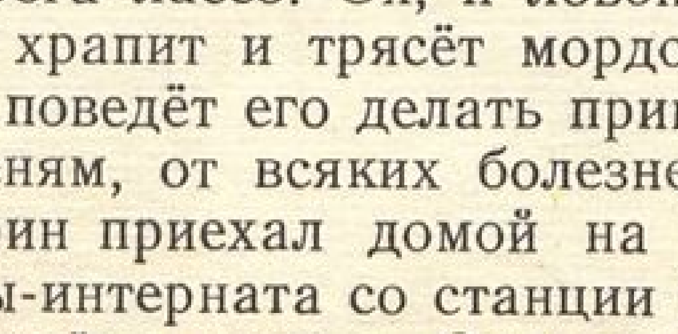
Северин приехал домой на каникулы из школы-интерната со станции Седловой, где он живёт и учится. Он ходит по стойбищу, а за поясом у него длинный кинжал, как у отца. Северин храбрый, хотя он ещё мальчик. Он даже волков не боится.

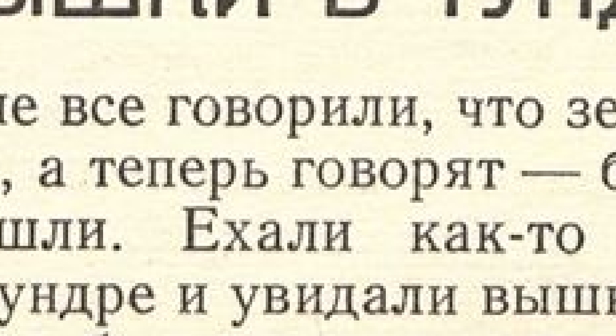
А волков в тундре много. Северин однажды летал на самолёте с лётчиком дядей Васей и отгонял с самолёта волков от стада оленей. Очень ему тогда захотелось стать лётчиком, как дядя Вася. Но оленей бросать жалко, любит Северин тундру, любит промчаться на упряжке оленей по белым просторам.

Северин хорошо знает дорогу в тундре, хотя не встретишь там случайного прохожего. Но звёзды на небе светят — они указывают дорогу, кусты растут — тоже указывают дорогу. А теперь ещё новая примета: появились буровые вышки геологов. Это нефть в тундре ищут.

ВЫШКИ В ТУНДРЕ

Раньше все говорили, что земля в тундре бедная, а теперь говорят — богатая, раз нефть нашли. Ехали как-то Северин и Окся по тундре и увидали вышку. Увидали и заехали к буровикам в гости. А те очень обрадовались им, показали, как скважину бурят, через которую нефть наверх пойдёт, а потом подарили им новую трубу для печки. Северин в стойбище возвращался печальный: очень ему захотелось стать





буровым мастером, чтобы нефть из земли качать, но оленей бросать жалко.

А Окся торопит Северина:

— Быстрее, Северин, быстрее, а то Сокол без меня заскучает.

ОЛЕНЁНОК СОКОЛ

Оленёнок Сокол стоит у чума и поджидает Оксю.

— Ай, ай! — кричит Окся. — Сокол прибежал. — Она наливает в таз тёплой похлёбки и подаёт Соколу.

— Соко-ол! — приговаривает она и гладит оленёнка. — Скоро ты вырастешь большой и будешь бегать быстрее всех оленей. И тогда ты повезёшь меня в школу.

А Сокол помалкивает и ест. Окся засмеялась и сказала:

— Глупый ты, Сокол, ничего не понимаешь!

Но Сокол совсем не обиделся. Он наелся досыта и убежал в стадо.

Вечером Окся разложила перед собой кубики и начала складывать из них фигуру красивого белого оленя. Только не успела закончить — уснула.

Литературная обработка В. Железникова

Г. ГОЛУБЕВ

Рис. В. КОНСТАНТИНОВА

СПУТНИКИ

Много славных событий произошло в минувшем году.

Вся страна готовила подарки к сорокалетию Октября.

Каждый день приносил что-нибудь новое. То дала энергию новая гидростанция, то наши лётчики поставили мировые рекорды на дальность полёта и на высоту на самом лучшем в мире самолёте ТУ-104, то открылась новая школа.

Но самым памятным был осенний день 4 октября 1957 года. В этот день на небе взошла новая звёздочка — первый в мире советский искусственный спутник Земли.

Люди давно мечтали сделать «маленькую луну».

— А зачем она нужна? — спросите вы. — Ведь на небе и так столько звёзд, что не пересчитаешь.

«Маленькая луна» очень нужна людям. Все вы любите загорать на солнышке. Но солнце посылает к нам на Землю не только тепло, но и такие лучи, которые могут убить всё живое. Хорошо, что эти лучи до нас не доходят. Их задерживает воздух, плотной оболочкой окружающий Землю. Учёные называют эту оболочку атмосферой.

Опасные лучи до нас не долетают. Но в самой воздушной оболочке они вызывают много перемен. От этого, например, меняется иногда погода. Только что светило солнце, и вы собрались гулять, как вдруг хлынул дождь. Отчего и почему? Разгадку нужно искать высоко над нами, в верхних слоях атмосферы.

Есть и другие опасные лучи, которые тоже задерживаются воздухом. Они прилетают к нам откуда-то издалека. А откуда, учёные пока ещё точно не знают.

Чтобы разрешить все эти загадки, нужно подняться высоко над Землёй с различными приборами. А сделать это очень трудно. Самолёт не поднимется так высоко. Залететь туда может только ракета. Но для этого она должна быть очень большой и мощной. Построить её нелегко.

Мы гордимся тем, что первыми в мире построили такую ракету наши советские учёные, инженеры и рабочие. Она-то и под-

няла 4 октября 1957 года высоко в небо «маленькую луну». И новую звёздочку, появившуюся на небе, теперь во всех странах называют по-русски: спутник.

Как же устроен спутник? Он круглый, как и настоящая Луна. Размером он раза в два побольше футбольного мячика, а весит 83 с лишним килограмма.

Внутри этого шара помещаются две радиостанции и много приборов. Приборы отмечают, холодно или тепло в тех местах, где пролетает спутник, много ли вокруг него воздуха. Обо всём этом по радио передаётся к нам на Землю.

На спутнике была своя электростанция из батарей, похожих на те, что бывают в карманном фонарике, только побольше. Когда запас энергии в батареях кончился, радиостанции спутника замолчали. Но и молчавший спутник оставался полезным для учёных. Они наблюдали за его полётом. А из этих наблюдений тоже можно узнать много нового о том, как устроена наша воздушная оболочка — атмосфера.

Наверное, многие из вас видели спутника, красной звёздочкой быстро пролетавшего по вечернему небу. И, наверное, многие думали: «А почему он не падает? Какая сила держит его в небесах?»

У спутника нет крыльев, как у самолёта, нет и двигателя, как у ракеты. А он летает вокруг Земли и не падает. Почему?

Ракета подняла спутник на высоту 900 километров. Она разогнала его до огромной скорости. Вокруг Земли спутник успевает облететь за полтора часа. С такой скоростью спутник давно улетел бы далеко от Земли, но его не пускает сила притяжения, заставляя летать по кругу.

На той высоте, куда ракета забросила спутник, воздуха очень мало. Поэтому спутник может летать долго, медленно теряя свою скорость. Сопротивление воздуха постепенно заставляет и «маленькую луну» спускаться ниже и ниже. Но на Землю она не упадёт. Когда спутник достигнет мест, где воздух плотнее, он станет сильно нагреваться от трения о воздух. Спутник в конце концов так нагреется, что вспыхнет и сгорит, как вспыхивает спичка, если её потереть о коробку.

На смену первому спутнику уже поднимаются новые. Накануне великого праздника Октября взлетел в небо второй спутник. Он поднялся почти в два раза выше первого и весил в шесть раз больше. Больше на нём было и разных приборов. А самое главное: второй спутник поднял в небо живого пассажира!

Первым небесным пассажиром стала небольшая остроухая собачка по кличке Лайка. Все вы видели её портрет в газетах. Перед полётом собаку долго тренировали. Она научилась есть понемногу и в определённое время. Её приучили не бояться сильных толчков при взлёте ракеты. И всё время полёта Лайка вела себя спокойно. Об этом по радио рассказали со спутника приборы.

Наблюдая за её поведением во время полёта на спутнике, учёные узнали, какие опасности могут ожидать человека, когда он полетит к далёким звездам, как от этих опасностей уберечься.

А человек отправится в полёт на Луну, на Марс и другие планеты уже очень скоро. Теперь в этом никто не сомневается. Дорога к звёздам уже открыта. Её проложили первые советские спутники Земли!

Марзия ФАЙЗУЛЛИНА

НА ЛЬДУ

Улетели к югу
Птицы и тепло.
Озеро замёрзло,
Стало как стекло.

А гусята с фермы
К озеру пришли,
Вздумали поплавать —
Воду не нашли.

Резвые гусята —
Озорной народ:
Пляшут, а под ними
Гнётся тонкий лёд!

С татарского перевёл
Г. АБРАМОВ

ВЫРУЧИЛИ

Ю. ЕРМОЛАЕВ

Рис. Ю. УЗБЯКОВА

Петя снял со стены «Распорядок дня» и вписал в него красным карандашом новый пункт: «С пяти до шести вечера — помощь родителям по дому». Потом взглянул на часы и сейчас же принялся снимать с тумбочки огромный фикус.

— Зачем ты это делаешь? — в один голос спросили мама и бабушка.

— Хочу отвязать верёвку, на которой вы сушили бельё, а без тумбочки я её не достану, — объяснил Петя и добавил: — Теперь я каждый день буду помогать вам по дому с пяти до шести.

Мама и бабушка улыбнулись. Через минуту Петя крикнул из кухни:

— Пойдите-ка кто-нибудь сюда! Надо подержать тумбочку.

Бабушка поспешила к внуку.

— Вот так, хорошо! — Петя забрался на тумбочку и принялся отвязывать верёвку. — Мама, подай ножницы. Такой узел получился, ни за что не отвяжешь. А ты, бабушка, не уходи. Нужно будет верёвку убрать.

Разделавшись с верёвкой, Петя подошёл к маме, которая дожидалась, когда нагреется на плите утюг, и сказал:

— Утюг я принесу сам. Можешь не беспокоиться, ведь с пяти до шести я помогаю по дому.

Петя дотронулся до утюга, чтобы узнать, хорошо ли он накалился, и тут же отдёрнул руку.

— Ай-ай! Ой-ой! — заголосил он и принялся тереть указательный палец мылом.— Дайте бинт! Надо перевязать палец, чтобы не появились волдыри. У меня, наверное, ожог третьей степени.

— Какой там степени! — улыбнулась бабушка. — Даже красноты не видно.

Перевязав с помощью бабушки палец, Петя пошёл в комнату.

— Ты гладь, а я буду опрыскивать бельё. Так ты скорее управишься, — сказал он маме и набрал полный рот воды.

Потом Петя сжал губы, раздул щёки и дунул. На бельё упала только одна большая капля. Остальную воду Петя проглотил.

— Помоги лучше бабушке провернуть мясо, а я сама управлюсь, — сказала мама.

— Это мы в один момент, — обрадовался Петя.

Но тут принесли счёт за электричество, и он раздумал:

— Лучше я рассчитаю жировку (квитанцию).

Петя взял счёт. Через минуту он сказал:

— Бабушка, подай-ка мне лист бумаги.

— Ах ты, господи! — всплеснула руками бабушка, отрываясь от мясорубки.

В комнате её взгляд упал на часы. Бабушка подумала и, подойдя к ним, перевела стрелки на пятнадцать минут вперёд. Часы пробили шесть.

В ту же секунду она услышала:

— Не надо бумаги, мне уже гулять пора.

Бабушка облегчённо вздохнула.

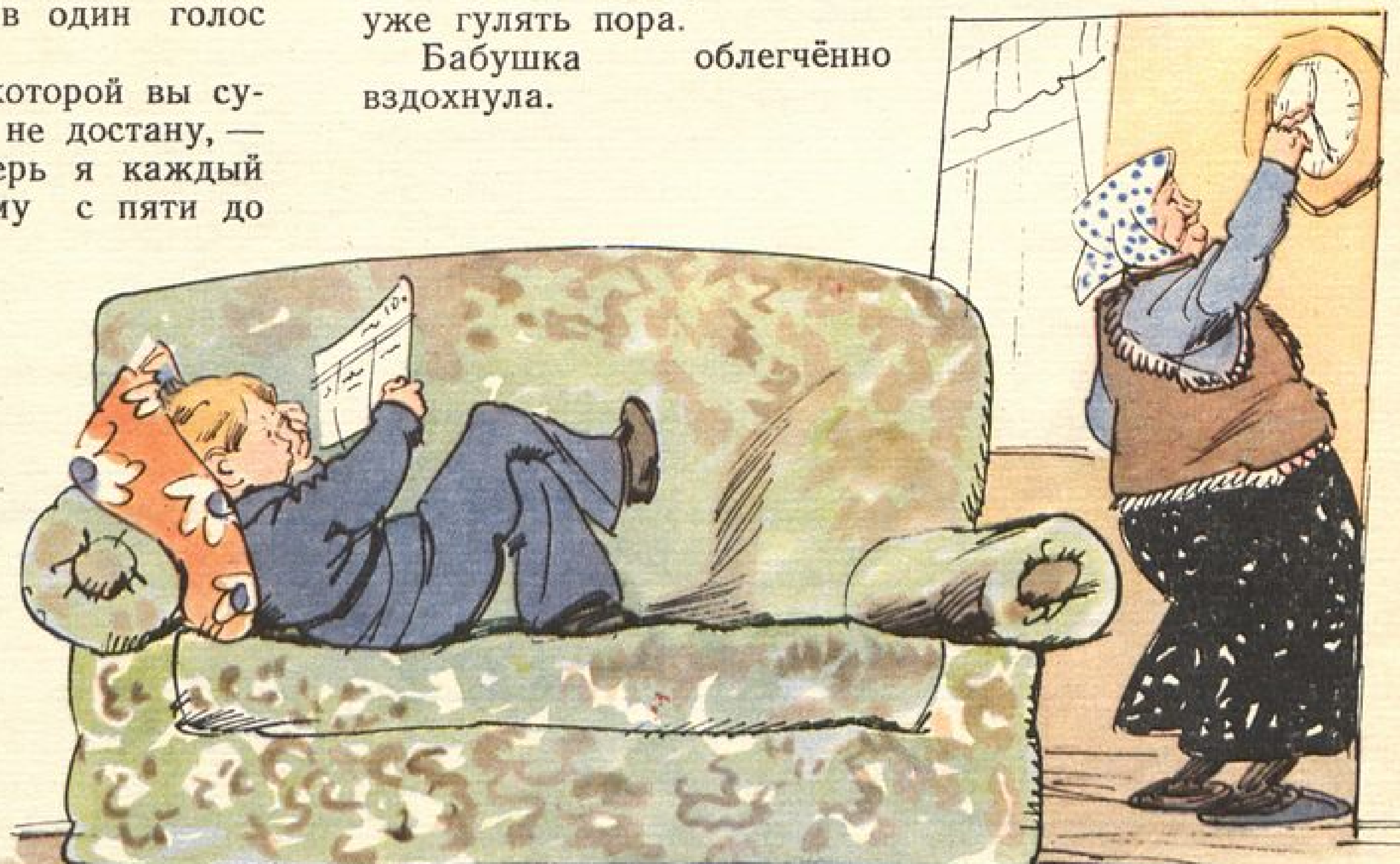


Рис. А. КАНЕВСКОГО

ПРО БОБРА

Небо хмурится с утра,
Сыро в доме у бобра.

Протекает потолок,
Ветер лезет в хатку.
Дождь наполнил котелок,
Два ведра и кадку.

Гром стреляет над бобром.
Он лежит в постели
И бубнит себе о том,
Что сухим, погожим днём
Он замажет щели.

Стало тихо и светло,
В небе солнце расцвело.

Луч пробрался в старый дом
И согрел бобра теплом.

Он сидит в своём дому,
Лапой чешет ухо
И твердит, что ни к чему
Затевать ремонт ему,
Если всюду сухо.

Ведь над ним ещё пока
Дождь не каплет с потолка.

Но опять он под зонтом,
Прячась от капели,
Говорит себе о том,
Что сухим, погожим днём
Он замажет щели...

И опять в лесу светло,
В небе солнце расцвело.
И смеётся над лентяем
Всё бобровое село.

Людмила ЗУБКОВА

Отар ЧИДЖАВАДЗЕ *Рис. А. КОКОРИНА*

(Продолжение)

Поезд с грохотом мчался по железному мосту. Али забился в самый угол вагона и стал думать.

«Что сказать маме?» Ведь по малейшему движению его лица она догадается, что случилось какое-то несчастье.

Уже по тому, что Хусейн не прислал денег, она может заподозрить неладное. Почему он испугался Ренара? Разве Ренар страшнее акулы?

Да, конечно, Ренар, жандармы и все те белые люди, пинками ног и пощёчинами доказывающие своё преимущество над ним, страшнее акул, и это знает каждый араб.

Али вдруг вспомнил, что забыл поцеловать в плечо, как полагается взрослым, всех товарищей Хусейна, которые повесили ему на шею зуб убитой акулы и собрали денег на билет.

...Было около двух часов ночи, когда поезд подошел к станции Ага. Али вышел на освещённую вокзальную площадь. Здесь он знал каждый сантиметр мостовой. Вся его жизнь прошла на этих улицах и площадях в поисках заработка.

Красивый город Алжир с большими домами, скверами и магазинами принадлежал европейцам. А те, чья это была родина, — темнокожие арабы — ютились за городом, в полуразрушенных хибарках.

Шлёпая босыми ногами по асфальту, Али старался не обращать внимания на людей, копающихся в мусорных ящиках.

Худые старики и дети, залезая по самые плечи в оцинкованные ящики, выворачивали мусор, стараясь не рассыпать его на тротуар. Совсем маленький мальчик набрал полный мешок бумаги и теперь не в силах был его приподнять. Али помог ему, и мешок, петляя, словно сам пошёл на маленьких, тонких ногах.

Через час Али стоял перед своей хибаркой. В поезде Али составил план: он незаметно повидает своих и уйдёт.

Дверь в хибарку, где жила мать с маленькими детьми, была открыта. Али прокрался внутрь. В темноте он едва различил спавшую на земляном полу мать и прижавшихся к ней Брагима и Фатиму.

Усевшись на корточки, Али старался разглядеть черты лица матери, но было очень темно.

— Мама! — во сне произнёс Брагим.

Али поспешил выскочить во двор.

Он возвращался в город, который должен был во что бы то ни стало прокормить больную мать, брата и сестру.

До рассвета ещё было далеко, но рыбный базар уже открылся.

— Убирайся!.. Убирайся!.. — повсюду говорили Али, где бы он ни предлагал свои услуги.

Наконец ему повезло. Сгибаясь под тяжестью высокой корзины, он начал работать. Иногда ему на спину клали большую скользкую рыбу, и он тащил её, зацепив за жабры, а хвост рыбы хлопал его по голым икрам.

Удобнее всего было управляться с маленькими живыми осьминогами. Взяв штук по пять в каждую руку, он нёс их, а они постепенно обвивали локти тонкими, но крепкими, как тугая резина, щупальцами. Из осьминогов готовят вкусный пилав, и вдобавок они очень дёшевы.

Получив деньги за работу, Али направился к вокзалу. Он и здесь решил немного подзаработать. Но, грязному, провонявшему рыбой, ему никто не доверял нести че-

модан. «Надо выстирать одежду и выкупаться», — решил он и направился к морю.

Выбрав островок — вернее, большую скалу, торчащую из воды метрах в двухстах от берега, — он, не раздеваясь, поплыл к ней, привязав мешочек с едой к голове. Выжав и разложив на камнях постиранную одежду, Али лёг и заснул.

Когда он проснулся, то увидел, что прямо против него стоят два мальчика.

Один большеголовый, с изъеденным оспой лицом; другой узкоплечий, худой, со злыми глазами.

Ребята начали знакомиться.

Большеголового звали Мукфи. Родителей у него давно уже не было, его воспитывал старый дед. Последнее время дед всё болел.

У Барека, узкоплечего, не было никого. С тех пор как себя помнил, он жил нищенством и был всегда голоден.

Добрый Мукфи пожалел его и взял к себе в помощники.

— А что ты собираешься делать? — спросил Мукфи, когда Али рассказал о себе.

— Зарабатывать деньги, — процедил сквозь зубы Али. — У меня мама больна!

— Если хочешь, работай с нами, — чистосердечно предложил Мукфи.

— Посмотрим, — сказал Али. — А сначала давайте поедим.

И он поровну разделил еду, которая у него была. Мукфи половину своей части положил за пазуху.

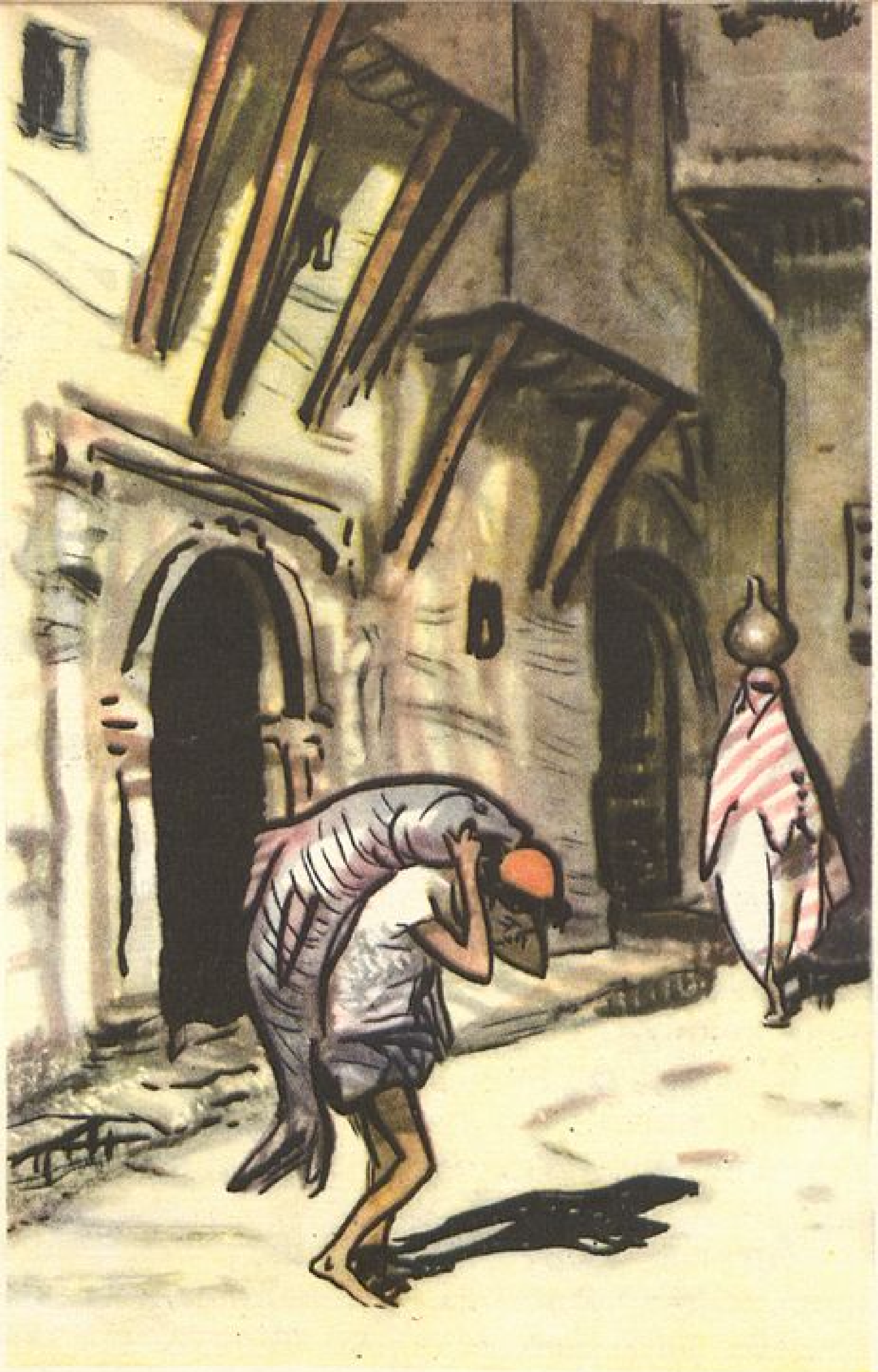
— Это для дедушки, — объяснил он, заметив взгляд Али.

Барек ел с жадностью, запихивая в рот громадные куски, и, окончив намного раньше других, старался не смотреть, как они едят.

— На, — предложил ему своё Али. — Возьми, я не так голоден.

В этот день они наловили полное ведро крабов. Али и Мукфи ожесточённо соревновались в ловкости. Свисали вниз головой с прибрежных скал и шарили руками в расщелинах. Иногда им приходилось нырять. Барек старался, как мог, но до Али и Мукфи ему было далеко.

У одного островка Барек испуганно вылез из воды, заметив торчащие из расщелины щупальца осьминога.



— Хотите, достану? — спросил Али.

Мукфи недоверчиво повернулся к нему. Барек сперва иронически улыбался, а потом насмешливо захохотал.

— Да он небольшой, — начал объяснять задетый за живое Али. — У нас искатели губок не боятся и акул. — И он показал висевший на шее акулий зуб.

— Обманывай дураков!.. — Барек сплюнул и прикрыл один глаз.

— Не надо! Он крупный, несъедобный, и его никто не купит! — сказал Мукфи, стараясь вывести Али из неловкого положения.

Но Али знал, что говорил.

— У осьминога два глаза и клюв, как у попугая. А внизу мешочек с мутной жидкостью. Надо засунуть руку в этот мешочек и вывернуть. Тогда осьминог, как парализованный, разжимает щупальца. Вот смотрите! — Али осторожно спустился по камням и, не торопясь, нырнул. Когда он вынырнул, в левой руке его был осьминог величиной с тарелку, но с довольно длинными щупальцами.

Восхищению Барека не было границ. Он смотрел на Али, словно видел его в первый раз. Мукфи счастливо улыбался, поняв, какого он нашёл себе товарища.

К закату солнца все трое уже шлёпали босыми ногами по тротуару, спеша на базар с полным ведром крабов. Осьминога они выбросили.

На все вырученные деньги мальчики купили два килограмма хлеба и полкилограмма риса для дедушки Мукфи. На обратном пути зашли к дедушке.

Большой костлявый старик сидел у порога хибарки и дымил глиняной трубкой. Оставив ему риса и немного хлеба, друзья пошли ночевать на свой остров.

Утром они снова начали ловить крабов.

Через три дня Али заявил, что надо искать другую работу, потому что ловлей крабов ничего нельзя было заработать, а Мукфи и Али должны были прокормить ещё своих близких.

На рыбном рынке никто из них не смог устроиться. На вокзале к каждому человеку с чемоданом бросалось не менее двадцати ребят.

— Завтра мы будем есть куриный суп! — вдруг заявил Барек и рассказал, что у офицерской кухни на аэродроме выбрасывают куриные головки и лапки. Только надо быть там до рассвета.

Когда ночью они подошли к офицерской кухне, там было уже много молчаливо ожидающих людей. На фоне выбеленной стены Али различил мужчину с ребёнком, юношу с костылём, маленького горбатого старичка и женщину в чадре.

Мужчина с ребёнком, кашляя, несколько раз подходил к окну и заглядывал в него. По острому подбородку и впавшим щекам Али узнал в нём каменщика, отца большого семейства, живущего недалеко от них. Однажды он свалился с лесов и долго пролежал в больнице. После этого он уже не мог работать: говорили, что заболел чахоткой. А недавно у него умерла жена, и он один остался с детьми.

Уже светало, когда с шумом открылась дверь и из кухни начали выносить отбросы.

Все бросились за людьми в больших фартуках, надетых на солдатскую форму.

Ребята побежали после всех. Обогнав женщину в чадре, они принялись поспешно выбирать куриные головки и лапки. Особенно отличался ловкий и проворный Барек, которому удалось набрать больше других.

Доведённый до бешенства, каменщик с воем бросился на Барека. Мальчик упал.

Али и Мукфи кинулись на защиту друга. Мукфи сцепился с одноногим, и они покатились, вцепившись друг в друга, а Али остался один на один с каменщиком.

Али старался вырваться.

Женщина схватила обезумевшего каменщика за руку.

— Оставь, ты убьёшь его! — закричала она. — У тебя ведь тоже есть дети!

Али зажмурился, но, к его удивлению, удара не последовало. Рука, державшая его за шею, разжалась, а каменщик стал медленно опускаться на землю.

— Довольно! — Женщина теперь накинулась на Барека, стоявшего с поднятым

костылём, которым он только что ударил каменщика по голове.

Было уже совсем светло.

Женщина подошла к Али, но он отвернулся, — не хотел показывать ей лица.

Стоявшие в стороне Барек и Мукфи были удивлены, почему женщина вдруг обняла Али и почему Али, всегда такой храбрый, вдруг заплакал и прижался к ней, как маленький.

— Это моя мама! — повернулся к друзьям Али. — Идите сюда.

Каменщик держался руками за голову, а его маленький сынишка силился ему что-то объяснить, показывая пальцем в сторону дороги. Горбатый старик, не принимавший участия в драке, бежал изо всех сил.

— Ха-ха-ха!.. Горбатый обокрал нас всех! — Сильный приступ кашля прервал смех каменщика.

— Пойдём, мама!.. Пойдёмте, Мукфи, Барек! — тихо сказал Али.

Теперь Али мог плакать, когда мать спрашивала про Хусейна, и никто не смог бы догадаться — ни мать, ни ребята, что он плачет совсем не потому, что избит. Узнав, что Хусейн ушёл в плавание, мать обрадовалась. А когда Али сказал ей, что не приходил домой потому, что у него в поезде украли присланные Хусейном деньги, то она только горько улыбнулась.

— Самое главное, чтобы вы были у меня живы-здоровы! — сказала она.

Фатима и Брагим бросились обнимать Али, а потом, отойдя в сторону, уставились удивлёнными глазами на Мукфи и Барека. Барек начал им строить разные рожи и старался довольно долго, пока, наконец, их не рассмешил.

Дома мать сделала болтушку из муки, и они все поели.

С этого дня у бездомного сироты Барека появился дом.

(Продолжение следует)

ТЮБЕТЕЙКА

Х. ЮЛДАШЕВ

Рис. Ю. ФЁДОРОВА

Всем известна, как ни странно,
Тюбетейка Каримджана.

Ею он стирает пот,
Ею вытирает рот.
Терпит всё бедняжка.
Если мальчик воду пьёт,
Тюбетейка — чашка.
Тюбетейка и платок,
И бархотка для сапог,
Даже промокашка.

Мяч на дереве повис.
Надо, чтоб упал он вниз.
Шапочка Карима
Здесь незаменима.
В мячик мальчик попадёт —
Значит, мячик упадёт.

С ветки яблоки достать
Изловчись, сумей-ка.
К веткам ввысь летит опять
Та же тюбетейка.

У Карима моего
Тюбетейка странная.
Тюбетейка у него
Грязная и рваная.

Мимо носа, вдоль щеки
С этой тюбетейки
Вниз стекают ручейки
Чёрные, как змейки.

На лице комки земли.
Даже нос и тот в пыли.
Что за мальчик — стыд и срам!
Кто проходит мимо,
Не веря собственным глазам,
Смотрит на Карима.

Перевёл с узбекского Н. ГРЕБНЁВ

Заячья крепость

Кикли-кикли, лесенка,
По ступенькам песенка.
Эта песенка зайчат,
В барабан они стучат
В заячьей каморке
На высокой горке.
А внизу лиса с мешком
Клянчит сладким голоском:
— Вы спустились бы пониже,
Я не трону, не обижу,
Вам морковки принесу...
— Знаем мы тебя, лису!..

Маквала МРЕВЛИШВИЛИ

Перевёл с грузинского Я. АКИМ

Рис. В. АНДРИЕВИЧА

Монтёр

Вы не знаете, куда
Мишка тянет провода?
Тычет лампочку в дупло.
Сделалось в дупле светло.

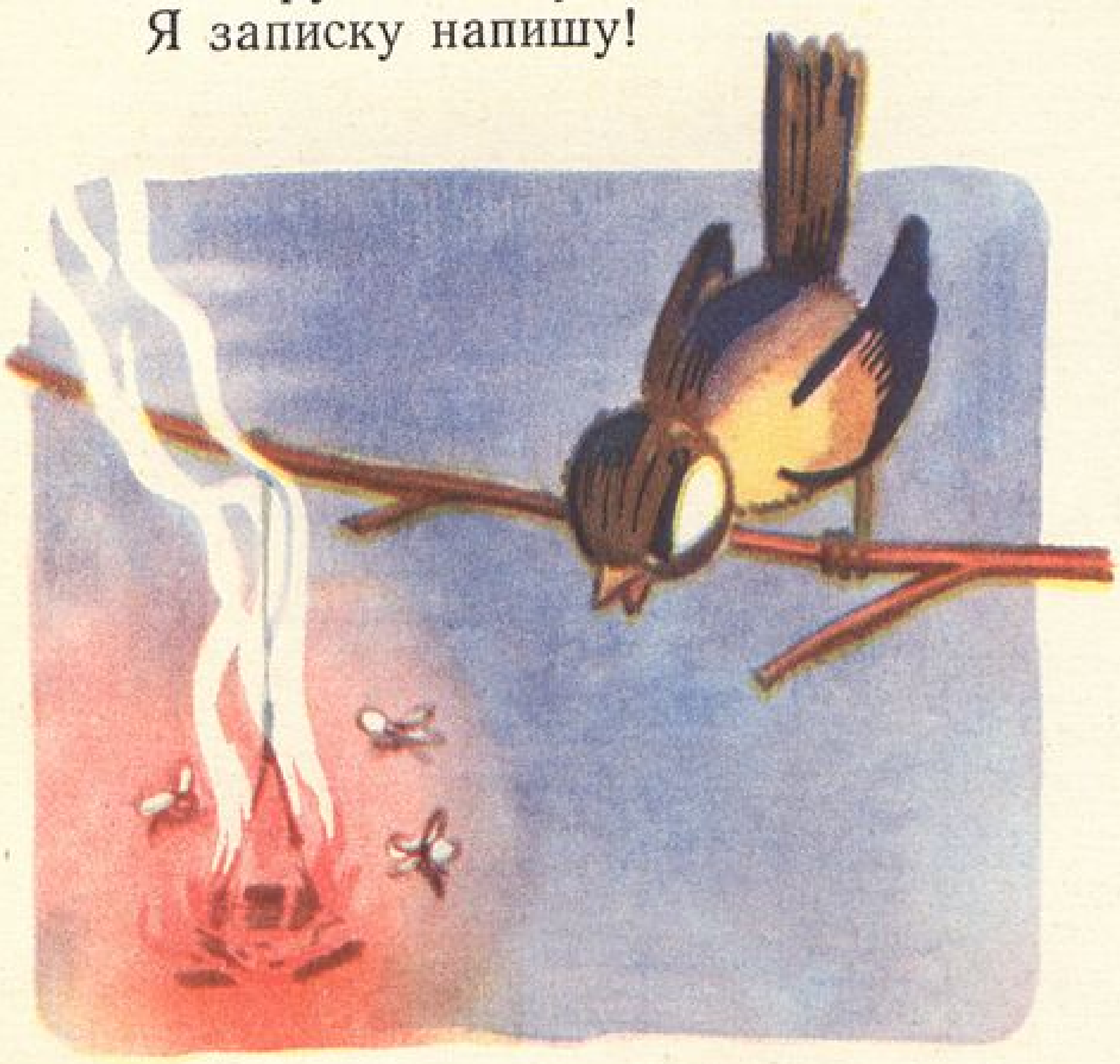
Не спрячутся от Миши
Летучие мыши!

Лошадка

— Гей, лошадка, ачу́!
Я верхом поскачу.
Взял бы слоника в седло —
Тебе не будет тяжело?

Соседи

Журавль устроился на пне —
Пишет письма он родне.
Вдруг к нему подсела мошка:
— Эй, подвинься-ка немножко.
Комару-племяшу
Я записку напишу!



В гостях

У весёлого костра
Варит ужин мошкара.
Подлетает к ним синица:
— Можно присоединиться?
— Оставайтесь, погостите!
— А похлёбкой угостите?

На обложке рисунок Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, Е. ЕРШОВА (зам. редактора), М. КОРШУНОВ, Ю. КОРИНЕЦ, С. МАРШАК, Ю. НАГИБИН, Е. РАЧЁВ.

Рукописи не возвращаются *Технический редактор Г. Морозова*

Год издания тридцать четвёртый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“

Подп. к печати 30/XII 1957 г. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 1 000 000 экз. Заказ 2596

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-55, Сущёвская, 21.

2266

Рис. В. АНДРИЕВИЧА

Музыканты хороши,
Заиграли от души!
«Ду-ду-ду!
Трень-брень!»
Им играть не лень.
Лаптей
Не щади!
Веселей
Ходи!

Олег БЕДАРЕВ